

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Смерть
содержанки

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Смерть содержанки

«Азбука-Аттикус»

1966

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Смерть содержанки / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1966 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-20790-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Орри Кэтера, одного из помощников Вулфа, полиция подозревает в убийстве молодой женщины. Однако Ниро Вулф, Арчи Гудвин и их неизменные помощники Сол Пензер и Фред Даркин убеждены в невиновности Орри. Чтобы это доказать, детективы должны найти настоящего убийцу...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20790-5

© Стаут Р. Т., 1966
© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рекс Стаут

Смерть содержанки

Rex Stout

A RIGHT TO DIE

Copyright © 1964 by Rex Stout

THE DOORBELL RANG

Copyright © 1965 by Rex Stout

DEATH OF A DOXY

Copyright © 1966 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой, Александра Санина

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© А. В. Санин, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Глава 1

Я стоял и шарил глазами по сторонам. Обычно я поступаю так чисто в силу привычки, чтобы проверить, не оставил ли лишних отпечатков там, где им быть не положено, но на сей раз я руководствовался не только привычкой. Я должен был убедиться, что и впрямь нигде не наследил. А подозрительных предметов в комнате было хоть отбавляй: красивые кресла, мраморный камин без огня, роскошная телевизионная консоль, заваленный журналами кофейный столик перед большим диваном и так далее. Решив, что здесь я ни к чему не прикасался, я вернулся в спальню. Там все было слишком мягким, чтобы сохранились отпечатки – огромный, от стены до стены, ковер, розовое покрывало на кровати королевских размеров, мягкие кресла и еще три предмета мебели, обтянутые розовым атласом.

Я шагнул вперед, чтобы еще раз взглянуть на распростертое у кровати тело женщины с раскинутыми ногами и неестественно вывернутой рукой. Безусловно, я не терял головы и не притрагивался к трупу, чтобы убедиться, в самом ли деле женщина мертва, или чтобы рассмотреть поближе глубокую рану на голове. Но вот был ли один шанс на миллион, что я случайно прикоснулся к тяжелой мраморной пепельнице, лежавшей возле тела убитой? Рядом на полу валялись окурки и пепел. Я готов был побиться об заклад, что именно пепельница и послужила орудием убийства. Я покачал головой – нет, не мог я быть таким ослом.

Я ушел. Дверную ручку, естественно, я тщательно вытер носовым платком изнутри и снаружи, а на кнопку вызова лифта, а затем и на кнопку первого этажа надавил костяшкой пальца. Кнопку четвертого этажа, на которую я нажимал еще внизу, я тоже протер носовым платком. В небольшом вестибюле никого не оказалось, а входная дверь меня не волновала, поскольку открывал я ее в перчатках. Двинувшись в западном направлении, к Лексингтон-авеню, я поднял воротник пальто и натянул перчатки. Денек выдался, пожалуй, самый промозглый за всю зиму, а пронизывающий ветер также не прибавлял настроения.

Обычно во время ходьбы я предпочитаю не предаваться размышлениям, чтобы не наткнуться на прохожих, но в данном случае ни гадать, ни ломать голову мне было совершенно ни к чему; требовалось лишь одно: задать кое-какие вопросы человеку, проживающему на втором этаже дома без лифта на Пятьдесят второй улице, между Восьмой и Девятой авеню. Я же находился на Тридцать девятой улице, то есть в тринадцати коротких кварталах вперед и в четырех длинных кварталах в сторону. Мои часы показывали 16:36. Поймать такси в такое время – все равно что узреть восьмое чудо света, а торопиться мне было некуда, благо интересующий меня субъект все равно еще находился на задании. И я потопал дальше пешком.

Без одной минуты пять я вошел в телефонную будку гриль-бара на Восьмой авеню и набрал наш номер. Трубку снял Фриц, и я попросил его соединить меня с оранжереей. Минуту спустя в мое ухо ворвался рык Вулфа:

– Да?

– Это я. Возникла маленькая заковыка, так что я не знаю, когда вернусь. Возможно, к обеду и не успею.

– У тебя серьезные неприятности?

– Нет.

– Смогу я с тобой связаться, если понадобится?

– Нет.

– Ладно. – Вулф повесил трубку.

Такую терпимость он проявил исключительно потому, что я был занят личным делом, а не выполнял его поручение. Вулф совершенно не выносит, когда его отрывают от занятий с орхидеями, поэтому, случись мне все же выполнять его задание, он бы наверняка напомнил, что мне следовало позвонить Фрицу, а не ему.

Выйдя на улицу, я прошагал еще полквартиры на запад, пряча лицо от ледящего ветра, добрался до нужного дома, зашел в подъезд и нажал на кнопку с надписью «Кэтер». Подождал, потом позвонил снова, а затем еще раз, но дверь не открылась, как я, впрочем, и ожидал. Поскольку околачиваться рядом в такую холодрыгу мне совершенно не улыбалось, я повернул назад к Восьмой авеню, мечтая о хорошей порции бурбона. Мечты мечтами, а виски я обычно позволяю себе лишь тогда, когда уже имею факты на руках, а не гоняюсь за ними, поэтому вместо бара я завернул в аптеку и заказал кофе.

Выпив чашку, я вошел в телефонную будку, набрал номер, повесил трубку после десяти длинных гудков, вернулся к стойке и попросил стакан молока. Потом снова навестил будку – с тем же успехом, и заказал еще кофе и сэндвич с солониной на ржаном хлебе, поскольку в кухне нашего старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице ржаного хлеба не держат. Лишь в двадцать минут седьмого, после пятой попытки дозвониться, когда я расправился со вторым куском тыквенного пирога и с четвертой чашкой кофе, на другом конце провода наконец ответили:

- Да?
- Орри? Это Арчи. Ты один?
- Конечно. Я всегда один. Ты там был?
- Да. Я...
- Что ты нашел?
- Я лучше покажу тебе. Через две минуты буду у тебя.
- Зачем, я сам...
- Я уже рядом. Ровно через две минуты. – Я повесил трубку.

Я не стал надевать пальто и перчатки. Две минуты пребывания на такой стуже – неплохая проверка жизнеспособности организма. На сей раз дверь внизу распахнулась, едва я успел нажать на кнопку в подъезде. Я вошел и начал было подниматься по лестнице, когда сверху послышался голос Орри:

- Какого черта?! Я и сам мог прийти.

Как-то раз Ниро Вулф, желая, как всегда, передо мной выпендриться, изрек: «*Vultus est index animi*». «Это не по-гречески», – сказал я. На что Вулф отозвался: «Да, это латинская поговорка. „Глаза – зеркало души“». Если это правда, то все зависит от того, *чья* глаза и *чья* душа. Если напротив вас за покерным столом сидит Сол Пензер, то глаза – это вообще никакое не зеркало; в них отражается только пустота. Но не могли же древние латиняне так ошибаться? Желая их проверить, я, после того как Орри, взяв мои шляпу и пальто, провел меня в комнату и мы сели, уставился на него с угрюмой решимостью. Наконец Орри не выдержал:

- Ты что, не узнаешь меня?
- *Vultus est index animi*, – мрачно произнес я.
- Чудесно, – сказал Орри. – Всегда мечтал об этом узнать. Какая муха тебя укусила, черт возьми?!

- Так, любопытно стало, – пожал я плечами. – Кстати, ты не считаешь меня простофилей?
- Ты что, рехнулся? С какой стати?
- Сам не знаю. – Я скрестил ноги. – Ладно, слушай. Я сделал все так, как мы условились.

Появился ровно в четверть пятого, несколько раз позвонил и, не дождавшись ответа, как и ожидалось, открыл дверь ключом, который ты мне дал, поднялся на лифте на четвертый этаж, открыл дверь квартиры вторым ключом и вошел. В гостиной никого не было, и я двинулся в спальню. Не могу сказать, что там был кто-то, поскольку называть словом «кто-то» труп не вполне уместно. Труп лежал на полу возле кровати. Ни саму Изабель Керр, ни ее фотографию мне видеть не доводилось, но, думаю, это была она. Розовая кружевная рубашка, розовые тапочки. Чулок нет...

- Так она мертва?

– Не перебивай. Ростом примерно пять футов и два дюйма, весом около ста десяти фунтов, лицо правильное, глаза голубые, густые волосы медового цвета, маленькие уши...

– О Господи! О Господи!

– Она?

– Да.

– Больше не перебивай. Мистер Вулф никогда не перебивает. Я даже не стал к ней прикасаться – проверять было нечего. Кровоподтек на лбу и глубокая вмятина на голове, в двух дюймах над левым ухом и чуть сзади. На полу в трех футах от правого плеча валяется мраморная пепельница – с виду достаточно тяжелая, чтобы пробить череп куда толще, чем у нее. На руках и ногах трупные пятна. Лоб холодный...

– Ты же сказал, что не трогал ее.

– Трогаю я пальцами. Приложить запястье ко лбу или к ноге – не называется «трогать». Кстати, нога тоже была холодной. Труп пролежал уже часов пять, а то и больше. Пепельницу вытерли. На полу окурки и пепел, а в пепельнице пусто. Я провел там шесть минут, задерживаться почему-то не хотелось. – Я запустил пятерню в карман и нащупал то, что искал. – Вот твои ключи.

Но Орри на них и не посмотрел. Он сжал челюсти, потом разжал и произнес:

– Считаешь, что я тебя подставил? Тебя! Как ты мог подумать?

– Любопытство выиграло.

Орри встал и вышел из комнаты. Я бросил связку ключей на столик у окна и огляделся по сторонам. Довольно просторная комната, три окна и мебель вполне приличная для не слишком взыскательного холостяка. Единственный свет исходил от пары лампочек на стене, но у мягкого кресла стоял еще торшер, но он не был включен. Орри вернулся с бутылкой и двумя стаканами. Он предложил стакан мне, но я отказался, поскольку только что пообедал. Тогда Орри налил в свой стакан, приложился к нему, поморщился и сел:

– С ума сошел! Чтобы я тебя подставил?! Теперь ты спросишь, где я сегодня был начиная с восьми утра и смогу ли я это подтвердить.

Я помотал головой:

– Нет, это было бы чересчур. Будь я настроен так серьезно, то спросил бы: «Почему ты оставил пепельницу на полу?» – или что-нибудь в этом роде. Но факты – упрямая вещь, а кроме тебя, возможно, только мне известно, что ее смерть тебе выгодна. Даже очень. Поэтому естественно, что меня интересует всего одна мелочь – это ты ее убил?

– Нет. Черт возьми, Арчи, я похож на болвана?!

– Нет. Ты, конечно, не гигант мысли, но отнюдь не болван. Да, было бы забавно, если бы ты и впрямь решил меня подставить. В конце концов, ты же знал, что я иду туда. И вдвойне забавно, если ты состряпал себе алиби.

– У меня нет алиби. – Орри посмотрел на меня отсутствующим взглядом, потом отхлебнул виски и сказал: – Я же говорил, что сейчас работаю на Бэскома. Я вышел в восемь, около девяти сел на хвост объекту и вел его весь день.

– В одиночку?

– Да. Обычное дело. С девяти девятнадцати до двенадцати тридцати пяти я торчал в холле офисного здания.

– Тоже один?

– Да.

– Тогда я по-прежнему не удовлетворен. Ты чертовски хорошо знаешь, что поступил бы так же, если бы оказался на моем месте. Хочешь что-то спросить?

– Да. У тебя были перчатки и ключи. Ты знал, что можешь кое-что найти. Почему ты хоть чуть-чуть не поискал?

– Ты шутишь? – ухмыльнулся я.

– Вовсе нет.

– Тогда ты все-таки болван, – кивнул я и поднялся. – Орри, мы оба с тобой знаем, что ты бы, безусловно, не отказался заполнить мое место. Я не против – это вполне здоровое честолюбие. Но вдруг ты стал чересчур честолюбив? Вдруг ты знал, что никаких улик против тебя у нее на самом деле нет? И договорился, чтобы один человек – я – зашел туда в четверть пятого, а другой – например, полицейский, которому позвонил аноним, – пару минут спустя? Пусть убийство мне бы и не пришили, но ключей и перчаток вполне хватило бы, чтобы упечь меня на несколько лет. Сам понимаешь, я в это не верю, но, будучи натурой нервной и утонченной, я...

– Чушь собачья! – взорвался Орри. – Что ты собираешься делать?

Я взглянул на наручные часы:

– Обед уже подходил к концу, потом я все-таки заморил червячка. Пожалуй, я отправлюсь домой и слопаю две порции Генуэзского крема. Это очень просто: растираешь восемь макарун домашнего приготовления и замачиваешь в стакане ликера «Гран-Марнье». Потом берешь две чашки жирного молока, полчашки сахара и цукаты...

– Хватит валять дурака! – завопил Орри. – Ты расскажешь Ниро Вулфу или нет?

– Не хотелось бы.

– *Расскажешь?*

– Пожалуй, нет.

– А Солу или Фреду?

– Нет. А также ни Кремеру, ни Джону Эдгару Гуверу. – Я взял с дивана пальто и шляпу. – Не совершай дурных поступков. Знаешь, какую последнюю услугу для коллеги врачи называют своим профессиональным долгом?

– Да.

– Так вот, я искренне надеюсь, что тебе это не потребуется.

И я удалился.

Глава 2

В газете «Нью-Йорк таймс» материал подавать умеют – там ребята не промах. «Непохоже, чтобы мисс Керр ходила куда-то на службу или вообще имела постоянную работу». Вот и думайте после этого что угодно.

Я сидел за маленьким столиком на кухне, завтракая и одновременно читая «Таймс». Обильно полив черной патокой из Коста-Рики гречишную оладью, я сказал Фрицу:

– Над таким убийством работать – одно удовольствие. Немножко пешком протопал – и уже на месте.

Фриц стоял за большим столом, разглядывая сушеные грибы и поглядывая на меня, чтобы знать, когда печь следующую оладью. Он сокрушенно потряс головой:

– Какое уж тут удовольствие? Когда ты работаешь над убийством, я вздрагиваю от любого звонка в дверь и живу в вечном страхе за твою жизнь.

Я сказал, что по части страха он даст мне сто очков вперед, нацепил на вилку кусок оладьи с креольской колбаской и снова погрузился в «Таймс». Я знал куда больше подробностей об убийстве, чем они, что меня вполне устраивало. Новым для меня было только то, что тело обнаружила Стелла, сестра Изабель Керр, что Стелла была женой Барри Флеминга, который преподавал математику в старшей школе Генри Хадсона, что Стелла вошла в квартиру сестры около семи часов вечера, то есть менее чем через три часа после моего ухода, что смерть наступила между восемью утра и полуднем, что Стелла отказалась дать интервью репортерам и, наконец, что полиция и офис окружного прокурора приступили к расследованию. Фотографию Изабель откопали, должно быть, у какого-нибудь театрального агента. На ней Изабель улыбалась точь-в-точь как девица из кордебалета. Рядом был помещен снимок, на котором полицейский сопровождал Стеллу на улице.

Что ж, пока все шло неплохо. Но если Орри и в самом деле не подставил меня, а я в этом почти не сомневался, то скоро неизбежно должны были полететь пух и перья. Поэтому, покончив с завтраком и пройдя в кабинет, я первым делом включил радио. В десятичасовых новостях – ничего.

Когда в одиннадцать часов Вулф спустился из оранжереи, радио по-прежнему работало. Вулф прошествовал к столу, поместил свою тушу в единственное кресло, которое его устраивало, бросил хмурый взгляд на радио, а потом на меня и пробурчал:

– У тебя что-то срочное?

– Да, сэр. Мне очень важно узнать, где играют «Брейвз» – в Милуоки или в Атланте. К тому же сегодня воскресенье, выходной.

– Мне казалось, ты сегодня приглашен куда-то.

– Да, в час дня, но я не уверен, что пойду. Ланч, правда, обещает быть приличным, но потом некто собирается читать стихи.

– Чьи?

– Свои собственные.

– Пф!

– Вы совершенно правы, сэр. Кажется, мисс Роуэн просто думала, что он голодает, и решила накормить его, а он заявил, что в награду за это подготовит ей и ее друзьям потрясающий сюрприз. Так что Лили влипла. Свою поэму он именуется эпитоном, поскольку это эпопея, и читает ее несколько часов.

Уголок рта Вулфа приподнялся на одну восьмую дюйма.

– Поделом вам.

– Конечно. Вы никогда не простите Лили то, что она сделала с вами в машине той ночью, хотя она руководствовалась только чувством долга¹. Пожалуй, я все-таки не пойду.

– Пойдешь, – отмахнулся Вулф и уткнулся в воскресный выпуск «Таймс».

Мы выписываем сразу три экземпляра: один для Вулфа, второй для меня и третий для Фрица.

В двенадцатичасовом выпуске новостей убийство опять не упоминалось, и я решил, что слишком нелепо торчать весь день в кабинете, разглядывая газету и каждые полчаса с замиранием сердца прислушиваться к последним известиям, поэтому я поднялся в свою комнату. Поскольку я побрился раньше, мне надо было только надеть чистую рубашку и один из четырех моих выходных костюмов. Потом я снова спустился и, заглянув сначала на кухню, а затем в кабинет, сообщил, куда иду. Выйдя на улицу, я направился напрямик в гараж на Десятой авеню, где стоит наш «херон». Владеет машиной Вулф, зато езжу я. А по воскресеньям вполне можно отыскать у тротуара местечко, чтобы поставить автомобиль.

В двадцать минут пятого я сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, в просторной гостиной пентхауса Лили Роуэн на крыше здания на Шестьдесят третьей улице и пытался решить, кто бы больше подошел для моей бейсбольной команды – Уилли Мейс или Сэнди Коуфакс. Поэт, усатый субъект с вытянутой физиономией, который вовсе не казался голодным, поскольку успел сытно поесть, продолжал громогласно нести какую-то галиматью, но я прекратил его слушать еще час назад. Для моих ушей его вирши воспринимались просто как некий шумовой фон.

Вдруг кто-то ткнул меня в плечо. Открыв глаза, я увидел горничную Мими. Она беззвучно произнесла одними губами слово «телефон». Я встал, пересек гостиную, вошел в соседнюю комнату, прошагал к письменному столу, за которым обычно сидит Лили, когда выписывает чеки, и взял трубку:

– Арчи Гудвин слушает.

Голос Вулфа прогудел мне в ухо:

– Полагаю, ты читал про убийство женщины по имени Изабель Керр?

– Да.

– Я тоже. Здесь Паркер. Ему позвонил Орри Кэтер и попросил приехать в полицейский участок на Двадцатой улице. Паркер отправился туда. Орри задержан как важный свидетель. Он почти ничего не рассказал мистеру Паркеру, но велел ему связаться с тобой. Почему?

– Потому. Паркер еще у вас?

– Да.

– Через двадцать минут приеду.

Я положил трубку, отправился на кухню, сообщил Мими, что передать Лили, снял с вешалки пальто и шляпу, вышел и вызвал лифт.

Машины я оставил за ближайшим углом, на Мэдисон-авеню. Запустив мотор, я сказал себе, что имею полное право не отвлекаться от мыслей про Уилли Мейса и Сэнди Коуфакса. Пока я не услышу Паркера, никакой новой пищи для моих мозгов все равно не предвидится.

Заезжая в гараж, я окончательно остановил свой выбор на Уилли Мейсе. Гордясь собой, я вернулся к нашему дому с сознанием выполненного долга, оставил пальто и шляпу в прихожей и вошел в кабинет.

Натаниэль Паркер, адвокат, к услугам которого время от времени обращается Вулф, сидел в красном кожаном кресле, возле которого на столике стояла бутылка скотча, бутылочка содовой, стакан и ведерко со льдом. Вулф устроился за своим столом и потягивал пиво. Поскольку по воскресеньям он возится с орхидеями только утром, воскресенье считается его

¹ Отсылка к роману Р. Стаута «Даже в лучших домах».

основным пивным днем. Паркер, которого я не видел уже пару месяцев, встал, чтобы пожать мне руку.

– Пожалуй, это будет еще хуже, чем слушать стихи, – заявил я, прошел к своему столу, развернул стул, уселся и обратился к Паркеру: – Если вы освободите Орри под залог, то я, пожалуй, лучше дождусь его возвращения.

– Боюсь, ждать придется долго, – сказал Паркер. – Думаю, они не согласятся отпустить его. Судя по их словам, во всяком случае.

– Его обвиняют в убийстве?

– Пока нет, но скоро, наверное, обвинят, – ответил адвокат. – Может быть, даже завтра.

– Так он все-таки прикончил эту женщину? – прорычал Вулф. – С этим было связано твое вчерашнее «личное дело»?

– Прошу соблюдать спокойствие, – предложил я. – Если Орри просил мистера Паркера связаться со мной, то я хочу точно знать, чем он это объяснил. Вы не возражаете? – Последние слова относились уже к Паркеру.

– Нисколько. – Адвокат пригубил виски с содовой и отставил стакан в сторону. – Сказал он совсем немного. До моего прихода он отказывался отвечать на вопросы. Естественно, ведь он знаком с правилами игры. Но и со мной он был не слишком откровенен. Даже не признался, был ли знаком с этой женщиной или хоть как-то связан с ней. Сказал он вот что. Во-первых, он не убивал ее и весь вчерашний день даже не находился поблизости от нее или от ее квартиры. Во-вторых, он рассказал, где был вчера. А в-третьих, просил связаться с вами, а вы уже сами решите, что мне рассказать. Мы договорились, что он даст показания о том, где был вчера и чем занимался, но обо всем остальном будет держать язык за зубами. Еще мы договорились, что встретимся после того, как я побеседую с вами.

– Так вы согласились защищать его?

– Да, так мы условились. По меньшей мере пока я не переговорю с вами.

– Значит, все зависит от меня?

– Да. Он просил передать, чтобы вы сами решали, что сказать.

– Восхитительно! Даже не знаю, как расценить такое доверие. Извините, я должен почесать нос.

Я почесал кончик носа, уставившись на огромный глобус возле книжного шкафа, но не видя его. Честно говоря, ломать голову мне было не над чем; все обстояло предельно просто – рассказать все или ничего. Причем не важно, узнает это Паркер сейчас или завтра.

Я встал:

– Мне казалось, что зимой по воскресеньям вы обычно играете в бридж?

– Так и есть. Звонок Кэтера прервал партию.

– Тогда возвращайтесь и доигрывайте. Я уже принял решение. Я расскажу все мистру Вулфу. Я предпочитаю, чтобы он ел меня поедом, пока я докладываю ему, а не вам. Вы же узнаете обо всем позже, скажем завтра утром. От меня или от него самого. Впрочем, если хотите, то можете подождать в гостиной, но мой рассказ может затянуться.

Вулф, стиснув губы так, что рот превратился в тонюсенькую полоску, потянулся к бутылке и плеснул себе еще пива. Паркер посмотрел на него, потом залпом опустошил свой стакан, поставил его на столик, поднялся и смерил меня взглядом:

– Можете ответить мне только на один вопрос, причем это будет рассматриваться как сведения, не подлежащие разглашению: он убил ее?

– Даже если бы я знал, это не считалось бы сведениями, не подлежащими разглашению. Я не ваш клиент.

С этими словами я вышел в прихожую, снял с вешалки его пальто и битых две минуты стоял и ждал, пока адвокат обсуждал что-то с Вулфом. Наконец он вышел, но ужасно долго

копошился, поправляя шарф, застегивая пуговицы и натягивая перчатки. Переступив через порог, Паркер сразу ссутулился под порывом ледяного ветра.

Когда я возвратился в кабинет, Вулф уже погрузился в «Приглашение к расследованию» Вальтера и Мириам Шнайр. Чистое ребячество. Он давал мне понять, что сначала из-за Орри, а потом из-за меня пострадало его воскресное чтение.

– Если вы посередине главы, то я могу подождать, – заявил я, усаживаясь; Вулф хмыкнул, отложил книгу и свирепо уставился на меня. – В пятницу днем, то есть позавчера, Орри позвонил и попросил, чтобы вечером я встретился с ним. Если помните, я не помогал вам вечером готовить каплуна по-суворовски, о чем искренне сожалею. Так вот, в семь вечера мы встретились с Орри в ресторане «Джордано» на Тридцать девятой улице. Сейчас...

– Только без вранья, – прервал Вулф.

– Хорошо. Сейчас я сообщу вам все, что он мне сказал. Орри был сильно растерян. Он собрался жениться на стюардессе по имени Джилл Харди. Показал мне фотографию. Свадьбу назначили на начало мая, когда у девушки начинался отпуск. Но все повисло в воздухе. Другая девушка по имени Изабель Керр стала резко возражать. Оказывается, она и сама собиралась замуж за Орри, да к тому же имела основания полагать, что Орри – отец ребенка, который должен появиться на свет через семь месяцев. Изабель твердо намеревалась обнародовать этот факт, если понадобится. Она сказала, что располагает доказательствами, которые хранятся где-то в запечатом ящике дома. В числе этих доказательств лицензия частного сыщика, которую Изабель стащила из кармана Орри примерно месяц назад. Еще кое-какие фотографии и письма, а также, возможно, другие мелочи, о которых Орри не помнит. Но главное не в том, что Изабель могла заставить его жениться на ней, а в том, что она поссорила бы его с Джилл Харди.

– Она и не могла принудить его жениться, – вмешался Вулф. – Зачем вообще жениться?

– Вы правы, хотя Орри так не считает. Он не хотел рисковать, а для этого должен был получить эти доказательства. Он знал, что Изабель ходит в кино два-три раза в неделю, и уж обязательно днем в субботу. Ключи у него были. Он попросил, чтобы я ему помог. Задумка была такая: на следующий день, в субботу, то есть вчера, в четверть пятого я зайду туда, позвоню, мне не ответят, и я загляну в квартиру и чуть-чуть там пошарю. Не могу сказать, что я был в восторге от его предложения. Будь на его месте Сол или Фред, я бы согласился не раздумывая, но с Орри я предпочитаю не связываться, хотя ничего лично против него не имею. Он уверял, что я в любом случае выйду сухим из воды. Окажись Изабель дома, я просто извинюсь и скажу, что ошибся. До моего ухода она почти наверняка не появится, а если появится кто-то другой, так я ведь не вломился в ее квартиру, а воспользовался ее же ключами.

– И ты туда пошел! – прорычал Вулф.

– Не понукайте меня. Я сказал Орри, что ничего не выйдет, пока я не буду знать все подробности. Я угрожал на расспросы уйму времени, поскольку хотел убедиться, что Изабель Керр не числится в розыске, что она, скажем, не сбежавшая дочка какого-нибудь посла. Ничего подобного. Раньше она танцевала в кабаре, а три года назад кто-то вытащил ее оттуда и поселил в той квартире, которую она и занимала до самой смерти. Труднее всего было выяснить имя ее покровителя. Орри божился, что не знает, но я настаивал, и он сдался. Покровителя зовут Эйвери Баллу, он президент «Федерал холдинг корпорейшн». Похоже, Изабель обладала чем-то, что привлекало мистера Баллу, поскольку он продолжал исправно вносить плату за квартиру, оплачивал счета бакалейщика и посещал гнездышко два-три раза в неделю по вечерам. Но Изабель понимала, что вечно так продолжаться не может, да и потом она польстилась на Орри. Познакомились они около года назад, не важно где. Изабель кормила Орри продуктами, за которые расплачивался Эйвери Баллу, и решила, что Орри должен на ней жениться. Этому я поверил. Женщины не бросаются на Орри так, как он сам это описывает, но он и впрямь не гиббон, и женщины то и дело стреляют в него глазками.

– И ты туда пошел!

– Да. Я не оправдываюсь, но так было лучше для дела. Конечно, его нельзя сравнить с Солом Пензером, но за прошедшие годы он не раз выручал вас... хорошо – нас. Словом, в назначенное время я стоял перед входной дверью, в перчатках и с ключами. Я позвонил, никто не ответил, я вошел в подъезд и поднялся на четвертый этаж. Это реконструированный четырехэтажный дом, без консьержа и лифтера, так что меня никто не видел. Заметку в «Таймс» вы прочитали, следовательно, уже знаете, что я нашел в квартире. Задерживаться я там не стал. Даже найди я что-нибудь из доказательств причастности Орри, полиция наверняка обнаружила бы в квартире отпечатки его пальцев, поскольку Орри был там каких-то три дня назад. И я отчалил.

– По дороге тебя кто-нибудь видел?

– Нет. Я позвонил вам, что не приду к обеду и...

– Это было в пять часов.

Типичный случай. Вроде бы он никогда вас не слушает, но потом неизменно все знает.

– Да, – кивнул я. – Почти полчаса я околачивался в окрестностях дома Орри. Я дождался его прихода, поговорил с ним и вернул ключи. Спросил, он ли убил девушку, но он все отрицал. Говорит, что весь день следил за кем-то по заданию Бэскома, но доказать это не может. На самое главное время, с восьми до двенадцати, алиби у него нет. Я еще немного повозился с ним, потом вернулся домой и уплеп две порции Генуэзского крема. Конечно, я знал, что его заметут – одних отпечатков для этого вполне хватило бы. Поэтому и прислушивался к радио сегодня утром.

– Ты должен был мне все рассказать.

– И что бы это изменило? Только испортило бы вам день.

– Поэтому и отправился слушать стихи?

Я наклонил голову:

– Вы можете вообще выбросить меня из головы. Вы, понятно, сейчас раздосадованы и ищете, на ком сорвать злость. Я не хочу быть мальчиком для битья. Правда, если вы выбросите из головы и Орри, то можете спокойно возвращаться к чтению.

Вулф взглянул на книгу, взял ее в руки, но тут же снова отложил. Потом схватил стакан, насупился, увидев, что пена отстоялась, но тем не менее выпил и отставил пустой стакан вместе с подносом в сторону.

– Орри... – произнес он. – Черт бы его побрал! Главный вопрос: убил он ее или нет? Если убил, то пусть им занимается мистер Паркер, а я умываю руки. Если же нет, мы...

Зазвонил телефон, и я развернулся на стуле, чтобы снять трубку:

– Резиденция Ниро Вул...

– Это Лон, Арчи. Я удивлен, что ты дома.

– А где же мне быть?

– Как – где? Твой напарник за решеткой.

– Я ничего не знаю. Я целый день внимал стихам и только сейчас вернулся.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, что Орри Кэтера замели по подозрению в убийстве Изабель Керр?

– В самом деле?

– Угу, в самом деле. Если вам нужно что-то срочно тиснуть в газете, я к вашим услугам. Я, конечно, не рассчитываю, что ты раскроешь мне все карты Вулфа, но если можешь сказать хоть...

– Да-да, конечно. Непременно. Как только я хоть что-нибудь разнюхаю, то немедленно дам тебе знать. А сейчас я занят. Я читаю мистеру Вулфу стихи.

– Как же, так я и поверил! Ну подкинь хоть несколько слов для маленькой заметки.

– Не сейчас. Не в воскресенье. Спасибо, что позвонил. – Я положил трубку, развернулся на стуле и сказал: – Лон Коэн пытается ловить рыбку в мутной воде. Звонил, видимо, из дома,

поскольку сегодня воскресенье. Заметка в завтрашнем выпуске начинается словами: «Орри Кэтер, частный сыщик, доверенный помощник Ниро Вулфа, задержан как важный свидетель по делу об убийстве Изабель Керр. Мистер Кэтер сыграл огромную роль во многих шумевших делах Ниро Вулфа, и именно ему Ниро Вулф обязан своим громким успехом. Арчи Гудвин, который является мальчиком на побегушках у Ниро Вулфа, сообщил, что...»

– Заткнись! – Я пожал плечами и поднял руки вверх, а Вулф стукнул пресс-папье по столу, так что бутылка подпрыгнула, и проревел: – Он убил ее или нет?!

– Не знаю! – отрезал я.

– Так не годится. Замышлял ли он убийство в пятницу вечером? Был ли у него виноватый вид вчера?

– Все равно – не знаю. Что касается пятницы, так он мог вовсе не замышлять убийство. Он мог пойти к ней вчера утром с самыми чистыми намерениями, а потом вдруг раз – и ухлопать ее. А виноватый вид – это вообще ерунда. Десятки раз убийцы сидели в вашем кабинете и отвечали на ваши вопросы, а после их ухода вы гадали, виновны они или нет. Теперь я тоже гадаю. Я понимаю, что вам хочется знать окончательное решение, но я к нему не пришел.

– Ты любишь логические игры. Какова вероятность, что он убил?

– Я бы сказал – пятьдесят на пятьдесят. Я стараюсь судить объективно, поскольку предпочел бы, чтобы Орри был невиновен. Потом мне вовсе не улыбается читать заголовки: «ПОМОЩНИК НИРО ВУЛФА ОСУЖДЕН ЗА УБИЙСТВО» – как, впрочем, и вам. Тем более что люди, которые читают только заголовки, могут решить, что речь идет обо мне.

– Но ты не хочешь сказать, убил он или нет?

– Не хочу.

– Тогда срочно вызови Сола и Фреда.

Глава 3

Без четверти десять Вулф произнес речь.

Сол Пензер, ростом пять футов семь дюймов, весом сто сорок пять фунтов, с крупным носом и приплюснутыми ушами, с волосами цвета ржавчины, расположился в красном кожаном кресле. Возле него на столике стояла бутылка «Монраше» урожая 1958 года, а в руке он держал бокал. Фред Даркин, на три дюйма выше и на сорок пять фунтов тяжелее Сола, лысый и плотно сбитый, сидел в одном из желтых кресел напротив стола Вулфа. Рядом с ним была бутылка канадского виски и графин с водой. К воде Фред не притрагивался. Я не пил ничего. Фриц еще днем ушел по своим делам, и обедали мы с Вулфом вдвоем, налегая в основном на свежеприготовленный зельц. В общей сложности я провел как минимум десять часов, наблюдая, как Фриц готовит зельц и пытаюсь разгадать, почему у него получается настолько лучше, чем у всех остальных, включая мою матушку, которая делала зельц еще в Огайо, но потом сдался. Должно быть, секрет в том, как держать ложку, когда снимаешь пенку.

Вулф подробно ввел Сола и Фреда в курс дела, умолчав лишь об одном: об имени покровителя Изабель Керр. Орри, конечно, не пришел бы в восторг, узнав об этом, но он ведь сказал Паркеру, что я сам должен решать, как преподнести случившееся. К тому же, чтобы вынести вердикт, Сол и Фред должны были знать все факты. Имя покровителя к важным фактам не относилось. Когда сыщики задали несколько вопросов и получили на них ответы, Вулф и начал свою речь.

– Вопрос вовсе не в том, чтобы разработать эффективную линию защиты. Если Орри убил эту женщину, чтобы она не мешала осуществлению его личных планов, то ни я, ни вы не обязаны вмешиваться и препятствовать торжеству правосудия. Да, мы можем посочувствовать несчастью ближнего, но не должны пытаться предотвратить возмездие Немезиды. Мистер Паркер – блестящий адвокат, и это его дело. Но если же Орри не убивал ее, то у меня имеются обязательства, через которые я не могу переступить. Речь идет не только о нашем долге сотрудничестве, но и моем самолюбии. Вы должны знать, что я не питаю особой привязанности к Орри. Он не раз подводил меня. У него нет достоинства человека, который знает свое место и ответственно выполняет свою работу, как у вас, Фред. Нет у него и цельности натуры человека, сознающего свое превосходство, но никогда его не проявляющего, как вы, Сол. И тем не менее если он не убивал эту женщину, то я собираюсь спасти его.

Вулф поднял руку:

– У меня только один вопрос: убил он ее или нет? Поскольку у меня не было должных оснований, чтобы составить на сей счет собственное мнение, я обратился к Арчи. Я надеялся, что он хотя бы выскажется, каковы шансы в пользу того или другого. Арчи сказал, что пятьдесят на пятьдесят. Арчи, с тех пор прошло четыре часа. Ты не изменил мнение?

– Нет. – Я потряс головой. – Черт побери, да начинайте же наконец что-то делать и сами все поймете!

– Нет. Если я начну, то уже приму на себя определенные обязательства, а это будет ошибкой. Фред! Вы знаете Орри больше, чем я. Все факты вам изложили. Что скажете?

– О Господи! – произнес Фред.

– Это нам не поможет. Господь просто отпустил бы его с миром, наказав впредь не грешить. Орри убил эту женщину?

Фред отставил стакан в сторону и неловко поежился. Взглянул на Сола, потом перевел взгляд на меня и наконец снова посмотрел на Вулфа:

– Уж больно круто вы завернули. Правильно ли я понял, что расклад такой: если мы выносим решение, что Орри виновен, то вы умываете руки и передаете дело Натаниэлю Пар-

керу; если мы решим, что Орри не убивал, то вы попытаетесь это доказать, а сделать это можно, только найдя и изобличив преступника? Верно?

– Да.

– Тогда я скажу, что он не убивал.

– Это ваше искреннее убеждение?

– Откровенно говоря, нет. В его виновности я был бы уверен только в том случае, если бы Орри признался, а Орри никогда не признается. Но мы слишком хорошо знаем Орри. Он мог веревки вить из любой женщины, а женщины охотно ему это позволяли. Но сейчас, судя по всему, это ему надоело и он решил взяться за ум и остепениться. Так что, если эта Изабель Керр стала ему поперек пути, как кость поперек горла... что ж, не знаю. То есть на самом деле мне кажется, что знаю. Но вы хотите, чтобы мы помогли вам принять решение, так?

– Да.

– Тогда ответ – нет. Он не убивал.

Вулф даже не нахмурился. Услышь он такое из моих уст, мне бы не избежать трепки, но от Фреда многого ожидать не приходится, к тому же Вулф сам напросился. Поэтому он просто сказал:

– Не слишком убедительно, – потом перевел взгляд на Сола. – Сол?

– Нет, – без промедления ответил Сол Пензер. – Спроси вы меня, как Арчи, каковы шансы, я бы сказал – двадцать против одного, что Орри невиновен.

– Вот как? – Вулф казался озадаченным. – Это ваше мнение или дружеский жест?

– Скорее умозаключение. Готов даже поставить пятьдесят против одного. Я не говорю, что разобрался в положении лучше Арчи. Вы можете спросить, почему он не делает ставку, но для меня это очевидно: потому что он сам оказался втянут в это дело. Он слишком скромн.

– Вздор!

– Нет, сэр. Попытаюсь разъяснить свою позицию. Первое: допустим, Орри замыслил убийство заранее. Значит, общаясь в пятницу вечером с Арчи, он уже думал о том, как на следующее утро пойдет и убьет ее. Следовательно, Арчи, придя туда днем в перчатках и с ключами, должен был либо обнаружить труп, либо, если его опередили, столкнуться с целым роем полицейских как снаружи, так и внутри. Это совершенно исключено. Не знаю, известно ли вам, но Орри считает Арчи самым хитроумным и сообразительным из всех сыщиков. Поэтому я не допускаю и мысли о том, что он мог сидеть с Арчи в одной комнате и строить замыслы, как его подставить. К тому же зачем? Если он собирался убить ее, то зачем связываться с Арчи?

– Согласен, это исключается, – вмешался я. – Я пришел к тому же выводу. Тем более что в пятницу вечером он не собирался даже встречаться с ней, не то что убивать. Но допустим, что в субботу утром ему вдруг втемяшилось навестить ее и она стала его шантажировать.

– И он ее прикончил, – кивнул Сол. – Допустим. Потом он либо обыскал квартиру, либо не стал обыскивать и вернулся выполнять свое задание. Ему предстояло принять нелегкое решение – звонить ли тебе и отменить просьбу о том, чтобы ты туда шел. Для этого предстояло придумать причину. Конечно, он мог ничего путного не придумать или решить, что это слишком рискованно. Допустим. Но против этого есть серьезное возражение. Крайне серьезное. Ты знаешь Орри, и я тоже его знаю. Мы в точности знаем, как он мыслит. Ты слышал, как я спросил мистера Вулфа, звонил ли кто-нибудь тебе вчера с половины пятого до половины седьмого, а он ответил – нет. Вот и все.

– Чудесно! Поразительно веский аргумент!

– На самом деле все предельно просто. Ты это не понял только потому, что сам в это втянут. Смотри: вот Орри снова вернулся и сел на хвост своего субъекту, уже совершив убийство. Он решил, что не станет отзывать тебя. Он знает, что, явившись туда и найдя тело, ты сразу же заподозришь его. Знает, что ты думаешь, будто он сидит, затаив дыхание в ожидании услышать от тебя отчет о том, какие вещи ты нашел. Понимает, что, будь она жива, он бы про-

сто тряся от нетерпения выяснить, каковы результаты, скажем с половины шестого, и должен тебе позвонить. Поэтому он был просто обязан позвонить тебе. Вот в чем штука!

– Осади назад, – покачал я головой. – Что-то ты все переставил с ног на голову. Тогда почему он не позвонил, если он не убивал ее?

– Он бы позвонил, придя домой, но ты опередил его. Если же он убил ее, то не стал бы ждать, пока вернется домой. Сам знаешь, самый большой его недостаток – прямолинейность. Он знал бы, что должен позвонить, но, мысля прямолинейно, он позвонил бы уже в пять. А уж в пять тридцать наверняка. Черт побери, да что тут гадать?! Он же не какой-нибудь чужак. Мы ведь знаем его как свои пять пальцев! – Сол повернулся к Вулфу. – Поскольку вы с Арчи пасуете, а у Фреда мнение не сложилось, то мое слово решающее. Если вы согласны и готовы не только взяться за это дело, но и привлечь меня, то я готов не только поработать совершенно бесплатно, но и сам оплатить собственные расходы. Я тоже не питаю к Орри особо нежных чувств, как и вы, но я хочу делом подтвердить свои выводы.

– И я! – выпалил Фред. – Я же сказал, что Орри не убивал.

Это меня сразило наповал. Сол, который просит десять долларов в час и получает их, мог себе позволить такое расточительство, но Фред зарабатывает гораздо меньше, да еще и содержит жену с четырьмя детишками.

Взгляд Вулфа переместился на меня.

– Беда в том, – сказал я, – что я, как говорит Сол, втянут в это дело. На кону мои хитроумность и сообразительность, а это меня смущает. Как бы то ни было, я тоже голосую за то, что Орри не убивал, но не собираюсь ставить двадцать против одного.

Вулф втянул через ноздри добрый бушель воздуха, задержал его секунды на три, потом с шумом выпустил через рот. После чего крутанул головой в сторону, кинул взгляд на настенные часы, вцепился пальцами в подлокотники необъятного кресла и произнес:

– Грррр!

Я прекрасно понимал суть его мук. Целый месяц нового года минул без работы, а тут ему придется вкалывать за спасибо.

Он посмотрел на Сола:

– Когда вы готовы приступить?

– Сейчас.

– А вы, Фред?

– Со вторника, – ответил Фред. – Подвернулась кое-какая работенка, но завтра закончу.

Вулф прокашлялся:

– Вы знаете раскладку. Нам придется начать с нуля. Еще никогда мы не были в таком положении. Нам даже неизвестно, что нашла полиция в квартире Изабель Керр, изобличающее Орри. Если нашла, конечно. Впрочем, в этом нам может помочь Паркер. Арчи! Полиция там работает?

– Еще как! Пытаются найти свидетелей, которые видели Орри в субботу утром.

Вулф обратился к Солу:

– Начнем с самого простого. Нужно выяснить, кто еще живет в этом доме. Кого видели в подъезде в субботу утром? Видел ли кто-нибудь Арчи в субботу? Это может быть очень важно. Вы займетесь этим завтра, а Фред присоединится к вам во вторник, но вы все равно звоните два раза в день, чтобы узнать, не появились ли более плодотворные идеи. – Он повернулся ко мне. – Тебе придется кое с кем встретиться. С кого начнешь?

Я подумал секунд пять.

– С Джилл Харди, если она в Нью-Йорке. С тем же успехом она может быть и в Риме. Или в Токио.

– Может быть, тогда с сестрой? С миссис Флеминг?

– Возможно, но я предпочел бы Джилл Харди. Привести ее к вам?

Вулф скорчил гримасу:

– Только если решишь, что без этого никак нельзя обойтись. – Он отодвинул кресло и с усилием поднялся. – Я отправляюсь спать. Я ценю ваше благородство, Сол, и ваше, Фред, но я сам отвечаю за это дело. Вы будете получать обычную ставку, и, конечно, расходы тоже за мой счет. Спокойной ночи.

Он затопал к двери.

Глава 4

В понедельник утром, в десять минут девятого, я сидел на кухне, поглощая бриоши, запеченную на гриле ветчину и виноградно-тимьяновое желе, и усиленно размышлял.

Во-первых, почему Фриц так артачился из-за желе? Хоть бы раз послушал меня и положил вдвое меньше сахара и вдвое больше сотерна. Я ему уже всю плешь проел из-за этого.

Во-вторых, почему эти чертовы журналисты такие лентяи? Если для «Таймс» было настолько важно проиллюстрировать статью об убийстве Изабель Керр фотографией, они вполне могли бы пару раз щелкнуть Орри. Вместо этого у них хватило наглости поместить снимок Ниро Вулфа восьмилетней давности. Пожалуй, следует подать на них в суд за вторжение в личную жизнь. Вулф в деле не фигурировал. Насколько им было известно, он вообще не имел к делу никакого отношения. С другой стороны, не исключено, что они вовсе не поленились, а попытались таким образом отплатить Вулфу за разгромное письмо, которое он посылал редактору отдела кулинарных рецептов.

В-третьих, позвонить Вулфу или подняться к нему перед уходом? Фриц, спустившись после того, как отнес Вулфу поднос с завтраком, ничего мне не сказал, так что, по-видимому, новых распоряжений не поступало, но проверить лишний раз не помешает.

В-четвертых, как разыскать Джилл Харди? Орри сказал, что она служит в «Пан-Американ», но вряд ли там согласятся дать мне ее домашний адрес по телефону. Вчера вечером я проглядел телефонные книги всех пяти районов Нью-Йорка, но Джилл Харди там не числилась. Паркер узнает адрес у Орри, но на это уйдет время. Ладно, решил я, прикончу вторую чашку кофе и пойду. Чем скорее...

Зазвонил телефон. Фриц дернулся было, но я опередил его. Как и Ниро Вулф, Фриц убежден, что ничто на свете не должно прерывать процесс поглощения пищи.

– Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин слушает.

– О! Я... Это и впрямь мистер Арчи Гудвин?

– Собственной персоной.

– Тот самый Арчи Гудвин, который работает на Ниро Вулфа?

– Видимо, да, коль скоро вы набрали номер Ниро Вулфа.

– Да-да, конечно. Меня зовут Джилл Харди. Вы, вероятно... возможно, слышали обо мне?

Лили Роуэн охарактеризовала бы ее голос как меццо-тинто – приятный и сочный, но чуть резковатый.

– Да, слышал.

– От Орри Кэтера.

– Совершенно верно.

– Стало быть, вы знаете, кто я такая. Я звоню... Я только что прочитала утреннюю газету. Это правда, что Орри... Его и в самом деле арестовали?

– Да, это можно назвать именно так. Хотя формально он задержан как важный свидетель.

Это означает, что, по мнению полиции, он знает больше, чем рассказывает.

– Об убийстве?

– Судя по всему – да.

– Они что, с ума все посходили?

– Не исключено. Вы звоните из дома, мисс Харди?

– Да, из своей квартиры. Вы знаете...

– Одну минуточку, – прервал я. – Поскольку вы сказали, что прочли об этом в газете, значит полиция до вас еще не добралась. Но они непременно к вам нагрянут. Во всяком случае,

с большой вероятностью. Я должен вас кое о чем спросить. Насколько я понял из того, что рассказал мне Орри, вы с ним собираетесь пожениться. Может быть, я понял неверно...

– Нет, все правильно. Мы собираемся пожениться в мае.

– Кто-нибудь еще об этом знает? Вы сообщали об этом?

– Да, кое-кому сказала... друзьям. Я собираюсь еще некоторое время поработать, а стюардессам не позволяют...

– Знаю. Что ж, если Орри тоже сообщил своим друзьям, то скоро к вам пожалуют гости.

Если хотите...

– Я хочу знать, за что его арестовали! Я хочу знать... работал ли он на Ниро Вулфа?

– Нет. Уже больше двух месяцев мистер Вулф не прибегал к его услугам. Если вы...

– А почему ко мне должны пожаловать гости?

– Мне бы не хотелось говорить вам по телефону. Это довольно сложно. Если вам не терпится все выяснить до появления полиции, то почему бы вам не приехать сюда, к Ниро Вулфу? Дом девятьсот тридцать восемь по Западной Тридцать пятой улице. Я буду...

– Я не могу. В десять тридцать у меня самолет на Рио.

– Тогда я за вами заеду, и мы можем побеседовать по дороге в аэропорт. Водитель я надежный. Какой у вас адрес?

– Я не думала... – (Молчание.) – Что, если Орри... – Она снова замолчала, потом вдруг сказала: – Я поняла. – И повесила трубку.

В моем желудке оставалось место для одной бриоши и кусочка ветчины, и я не стал себя долго упрашивать. Может, через пару минут Джилл решится и тогда я не успею заполнить пустоту. Когда Фриц принес кофе, я сообщил ему, что если он хочет встретиться с женщиной, но не знает, где она живет, то достаточно только об этом подумать – и она тут же позвонит сама. Фриц наморщил лоб, потом спросил, есть ли у нас клиент.

– И да и нет, – признался я. – Работой нас загрузили по уши, это точно. А вот клиента, которому можно потом выставить счет, у нас нет. Ты слышал, что я упоминал Орри, так что имеешь право знать, что он попал в передрагу, а мы собираемся его выволочить. Как по-французски «братство людей»?

– Во французском языке такого нет. Вот, значит, чем ты занимался в субботу. Я рад, что это касается Орри, а не Сола или, скажем, Фреда, но тем не менее...

Позвонил телефон. Я снял трубку:

– Кабинет Ниро Вулфа...

– Это снова Джилл Харди, мистер Гудвин. Я все устроила. Буду у вас через час.

– Умница. Быть может, все-таки дадите мне свой адрес и телефон. Так, на всякий случай.

Она согласилась. Жила она в доме 217 на Натмег-стрит в Гринвич-Виллидже. Покончив с кофе, я перебрался в кабинет и записал адрес на листке бумаги. После чего на мгновение задумался, помещать ли листок в досье Орри. Решив, что не стоит, я извлек на свет божий новую папку и подписал ее «Орри Кэтер, клиент». Потом кинул взгляд на часы. Без десяти девять. Стало быть, через десять минут Вулф поднимется на лифте к орхидеям, а потому позвонил в его спальню по внутреннему телефону. Трубку он взял не сразу.

– Да?

– Доброе утро. Я думал, вам захочется узнать, что, когда вы спуститесь, Джилл Харди еще будет здесь. Она придет через час.

– Неужели ты отыскал ее?

– Разумеется. Для самого хитроумного и проницательного из ныне здравствующих сыщиков это пара пустяков.

– Болтун, – произнес он и положил трубку.

Пока я вытирал пыль со столов и кресел, отрывал устаревшие листки с настольных календарей, менял воду в цветочной вазе на столе Вулфа и вскрывал почту, я думал о Джилл Харди.

Я решил, что она должна быть высокой и строгой, с пронизательным взглядом, типа женщины-сержанта, а глаза, наверное, чуть-чуть раскосые. Просто, чтобы так заарканить Орри, женщина должна быть необычной, с изюминкой. К тому же, поскольку все шло к тому, что Орри мы потеряем, чем быстрее мы подберем ему замену, тем лучше. Так что пусть уж Джилл Харди и впрямь окажется такой, как я ее представляю, мечтал я.

Черт побери, я жестоко ошибся! Когда чуть позже половины десятого в дверь позвонили и я пошел открывать, то увидел через одностороннюю стеклянную панель маленькое овальное личико, порозовевшее от холода, с огромными серо-голубыми глазами. Девушка была в черном кожаном пальто двенадцатого размера с меховым воротником, а на ее голове кожаная плоская, как блин, шляпка, отороченная мехом. Когда я впустил девушку в прихожую и помог избавиться от пальто, она оказалась даже еще меньше, чем была. Должно быть, из-за хорошо подогнанного темно-синего костюма. Думаю, что, будь она еще хоть на полдюйма меньше ростом, в стюардессы ее бы уже не взяли. Я провел ее в кабинет и усадил в одно из желтых кресел. Красное кожаное кресло слишком далеко от моего стола.

– Я уже чуть-чуть успокоилась, – сказала она. – А вы немного похожи на Орри. Те же размеры.

Не лучшее начало для дружеской беседы, подумал я. Дело в том, что я вовсе не похож на Орри. Он красивый, а я нет. У меня слишком маленький нос, хотя я перестал обращать на это внимание лет с двенадцати. Я решил ответить лестью на лесть.

– Неудивительно, – начал я, – что Орри решил начать семейную жизнь. При первом же взгляде на вас я ему позавидовал. Непременно поздравлю его, как только увижу.

Она даже ухом не повела, только спросила:

– А когда вы его увидите?

– Точно не знаю. Возможно, сегодня.

– Я хочу с ним повидаться, но понятия не имею, как это сделать. Что вы можете посоветовать?

– На вашем месте я бы торопиться не стал. Возможно, его выпустят под залог. У него прекрасный адвокат. А когда вы с ним встречались в последний раз?

– Но почему его арестовали? – допытывалась она. – Что он может знать про это убийство? Вы же говорите, что он не работал на Ниро Вулфа?

– Да. Не знаю, мисс Харди, сумею ли я сказать вам хоть что-то новое, поскольку вы прочитали газету. Думаю, что убитая женщина, Изабель Керр, была связана с делом, над которым работал Орри, но это только мое предположение. Еще я думаю, что он недавно побывал в ее квартире, где оставил отпечатки пальцев, а полиция нашла их и, естественно, задержала Орри. Вы, конечно, знаете, что частным сыщикам приходится по роду службы проникать в квартиры и устраивать обыск, хотя в таком случае Орри не оставил бы отпечатков, поскольку должен был работать в перчатках. Но ведь он мог побывать там не как сыщик, а... ну... скажем, как знакомый или друг. Вы не знаете, он был знаком с мисс Керр?

– Нет. – Девушка насупилась.

– Он никогда не упоминал ее?

– Нет.

– Когда вы встретились с Орри в последний раз?

Джилл вновь пропустила мой вопрос мимо ушей. Да, в этом она просто мастак, подумал я. Она продолжала хмуриться:

– Вы сказали, что не хотите говорить по телефону, почему ко мне должны явиться гости, но вы, похоже, и сейчас не слишком откровенны. Вы близкий друг Орри, но ничего о нем не знаете. Почему я должна ждать гостей? Вы имеете в виду полицию?

Я решил, что, осторожничая, ничего не добьюсь.

– Я не хочу вас огорчать, но, пожалуй, вы должны знать, в чем дело.

– Целиком с вами согласна.

– Прекрасно. Когда человека арестовывают, он имеет право пригласить адвоката. Орри пригласил Натаниэля Паркера. Они встретились, после чего мистер Паркер приехал сюда и обсудил положение с мистером Вулфом и со мной. Так вот, полиция не задерживает человека только потому, что он что-то знает. Полиция задержала Орри, так как его подозревают в убийстве. Они не считают, что он просто что-то знает, они подозревают, что именно Орри убил Изабель Керр.

Глаза Джил расширились.

– Я не верю, – пролепетала она.

– Я тоже. Но спросите полицейских. Или адвоката. Кстати, мистер Вулф, который тоже не верит, собирается кое-что по этому поводу предпринять, в частности найти подлинного убийцу. Я не ответил на ваш вопрос: почему к вам нагрянут гости. Как только полицейские узнают, что Орри собирается на вас жениться, а это не займет у них много времени, они захотят задать вам кое-какие вопросы. Примерно о том же, о чем спрашивал я: был ли он знаком с Изабель Керр, когда вы встречались в последний раз и так далее. Мне вы так и не ответили. Я задал этот вопрос дважды, а они будут задавать его вновь и вновь. Еще им захочется знать, как и где вы провели субботнее утро. Так уж они мыслят, ничего не поделаешь. Они спросят, не были ли вы с ним, – вдруг, скажем, вы держали Изабель, пока он бил ее по голове пепельницей? Кстати, мой мозг устроен точно так же. Поскольку я думаю, что Орри невиновен, то должен найти убийцу. Итак, где вы были в субботу утром?

Она стиснула зубы.

– А я-то думала, что вы и в самом деле друг Орри, – процедила она. – Вы бы не осмелились так говорить в его присутствии.

– Еще как осмелился бы. И Орри это понял бы, хотя особого восторга не испытал бы. – Уперев локти в колени, я нагнулся к ней. – Послушайте, мисс Харди, вы очень красивы, и у вас очень приятный голос. У вас очень изящные руки. Вы сказали, что никогда не слышали об Изабель Керр, и у меня нет причин вам не верить, но мне очень важно знать, когда вы в последний раз видели Орри и где вы были в субботу.

– А почему они считают, что Орри мог убить ее? – спросила она. – С какой стати ему убивать ее?

– Не знаю. Может быть, узнаю позже, если удастся с ним встретиться. Полиция, конечно, предъявит ему обвинение, если посчитает, что у Орри имелись достаточно серьезные основания для того, чтобы совершить убийство.

– Какие у него могли быть основания?

– Спросите полицейских. Вообще-то, принципиально возможно осудить человека за убийство, не доказав, что у него был побудительный мотив, но присяжным это не нравится.

– Присяжным? Вы хотите сказать... Неужели будет суд?

– Искренне надеюсь, что не будет.

Она буквально пожирала меня глазами.

– Похоже, вы не кривите душой.

– Конечно.

– В субботу утром до полудня я была дома, в постели. Наш самолет из Каракаса должен был приземлиться в полночь, но в итоге мы сели только в два часа ночи. А вечером в субботу мы встречались с Орри. Пообедали в ресторане. В воздухе мне задают так много вопросов, что на земле я невольно к ним не прислушиваюсь. – Она встала и шагнула ко мне. – Встаньте и обнимите меня!

Поскольку это был приказ, я повиновался. Она не поднимала руки, но, когда я прижал ее к себе, вцепилась в мой пиджак и спрятала лицо на моей груди. Ее темно-синий костюм показался мне на ощупь шерстяным, но в наше время трудно судить наверняка. Я не слишком

сильно сжимал ее в объятиях, но усиленно ломал голову: то ли Джил поняла, что влипла, и пыталась завербовать меня на свою сторону, то ли заподозрила, что может лишиться Орри, и надеялась в моем лице найти ему замену, то ли у нее просто такая привычка. Духами она не пользовалась, но пахло от нее приятно. Трудно сказать, сколько это могло продлиться, если бы в дверь не позвонили.

Я вежливо высвободил руки, вышел в прихожую, посмотрел, кто там, вернулся в кабинет и сказал:

– Это полицейский, которого я имею честь знать. Поскольку вы не горите желанием познакомиться с ним, извольте спрятаться здесь. – Я распахнул перед ней дверь в гостиную. – Заходите. Можете даже не задерживать дыхание, комната полностью звукоизолирована. Если захочется чихнуть, не стесняйтесь.

Чего-чего, а быстроты реакции стюардессам не занимать. Ни слова не говоря, Джилл подняла с полу сумочку, которую уронила, когда обняла меня, зашагала к двери и вошла в гостиную. Когда я закрыл дверь, вновь послышался звонок, уже более настойчивый. Должен сказать, что я не установил новый рекорд по бегу, спеша открывать инспектору Кремеру, и не стал прятать черное кожаное пальто, красовавшееся на вешалке. В конце концов, он же пришел ко мне, поскольку прекрасно знал, что до одиннадцати Вулф не принимает. Ну а мне не ответить на один лишний вопрос – пара пустяков. Я распахнул дверь:

– Извините, я был занят – зевки одолели.

После чего посторонился, чтобы дать ему войти. Лицо инспектора от холода побагровело больше обычного. Были случаи, когда он не хотел, чтобы я помогал ему избавляться от пальто, поскольку настойчиво следил за выражением моих глаз, но на сей раз он спокойно позволил мне зайти с тыла и принять пальто. А сам прошествовал в кабинет. Черное кожаное пальто на вешалке он не заметил, зато сразу увидел, что одно желтое кресло подвинуто к моему столу. Привычно плюхнувшись в красное кожаное кресло, он спросил:

– Посетитель?

– Да, – кивнул я, – все время приходят и уходят. Вы еще не выпустили Орри?

– Нет. Пока нет и в ближайшее время тоже не собираемся. Если, конечно, ты не подкинешь нам для этого чертовски вескую причину. Что скажешь?

– Да вот она: он невиновен.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Паркер заходил вчера после свидания с ним и сказал, что Орри заверил его в своей невиновности. Мы достаточно общались с Орри на своем веку и знаем, что он не лгун. Поэтому мистер Вулф решил сам взяться за дело. Но вы, конечно, ради этого и пожаловали, да? Вы хотите знать, впряжется ли Вулф в работу? Да, впряжется.

– Я пришел не за этим. Мне нужны кое-какие сведения. – Он поудобнее устроился в кресле. – Когда ты в последний раз видел Кэтера?

Я потряс головой:

– Никаких комментариев.

– Говорил ли он когда-нибудь с тобой об Изабель Керр?

– Я пасую.

– Говорил ли он с тобой про Джилл Харди?

– Опять мимо.

– Гудвин, это тебе не поможет. Только арестованный имеет право не отвечать на вопросы, а ты пока на свободе. Но мы можем это исправить, черт побери!

– Извините, меня опять одолевает зевота. Неужели нам братья за старое? Я же не говорю, что не стану отвечать ни на какие вопросы про Орри Кэтера. Если вы спросите, где он покупает себе ботинки или когда мистер Вулф в последний раз прибежал к его услугам, я отвечу, могу даже изложить в письменном виде. Но вот на вопросы, которыми вы меня бомбардиру-

ете, отвечать не буду. Другое дело, если вы докажете, что Орри и впрямь причастен к убийству. Тогда, если вам, конечно, удастся доказать, что я располагал сведениями, которыми вы могли воспользоваться, то можете предъявить мне обвинение в препятствовании правосудию, и я погорю. Если же окажется, что я, наоборот, способствую торжеству правосудия, помогая мистеру Вулфу найти настоящего убийцу Изабель Керр, то нам с ним должны устроить торжественный проезд по городу, но на этом мы не станем настаивать.

Кремер разжал стиснутые губы и произнес:

– Эту песню ты уже пел.

– Именно это я и пытаюсь вам втолковать! – Я посмотрел на наручные часы. – Если считаете, что мистера Вулфа запугать легче, чем меня, то он спустился ровно через двадцать минут.

Кремер, уставившись на пустое кресло Ниро Вулфа, принялся постукивать носком тяжелого ботинка по полу. Пустая трата времени, поскольку, в отличие от линолеума в кабинете Кремера, пол в кабинете Вулфа застлан толстым ковром. Инспектор смотрел на кресло Вулфа, а не на меня по той причине, что сейчас волновал его не я. Кремер уже знал, что Вулф вступил в игру, и теперь его мучил вопрос – почему? Что нам удалось раскопать?

– Мне кажется, мы могли бы заключить сделку. Нужно, правда, получить благословение Ниро Вулфа, но я уверен, что он одобрит ее. Мы составим аффидевит, письменные показания под присягой, последняя фраза которых будет гласить, что в них включено все, что нам известно, а также все, что нам рассказывал Орри, имеющее хотя бы отдаленное отношение к убийству. Аффидевит мы передадим вам в обмен на то, что вы позволите нам взглянуть на досье, имеющееся у полиции. На все досье. И вы, и мы от этого выиграем. Вы будете знать, чем располагаем мы, а мы узнаем, из-за чего вы пошли на риск и не выпускаете Орри под залог. Честно?

– Чуть собачья! – буркнул Кремер, вставая. – Я хотел кое-что сказать Вулфу, но можешь сам ему это передать. Скажи, что мне очень жаль, но я не могу показать ему дневник Изабель Керр. Если бы он прочитал дневник, то не поспешил бы ввязываться в эту историю. И тебе подсказка. Впредь, когда решишь кого-нибудь прикончить, убедись сперва, что он не ведет дневник. Или она. – И ушел.

Я не шелохнулся. Совесть не позволила мне испортить такой прощальный аккорд. Лишь услышав, как открылась и затем хлопнулась входная дверь, я вышел в прихожую, чтобы убедиться, что Кремер и в самом деле закрыл дверь снаружи. После чего вернулся в кабинет пораскинуть мозгами. Может быть, лучше к приходу Вулфа усадить Джилл Харди в красное кожаное кресло? Если девушка останется в гостиной, то после моего доклада Вулф наверняка откажется встречаться с ней, а это очень плохо. До одиннадцати оставалось три минуты. Я решил привести ее и направился в гостиную. Комната была пуста. Джилл незаметно улизнула через вторую дверь, выходящую в прихожую. Я подошел к вешалке; черное пальто исчезло. В кабинете зазвонил внутренний телефон. Вулф звонил из оранжереи. Он поинтересовался, здесь ли девушка, я сказал, что ушла, и минуту спустя послышалось дребезжание спускающегося лифта. Вулф прошествовал в кабинет со свежесрезанными орхидеями *Odontoglossum hellemense*, которые, согласно моим записям, представляет собой гибрид *O. harvengtense* и *O. crispum*. Потрясающая штука, если вы любите орхидеи! Но в ту секунду я их на дух не выносил. Глядя, как Вулф ставит цветы в вазу, устраивается в кресле и просматривает почту, я медленно закипал от злости, а когда он закончил читать единственное мало-мальски важное письмо от поставщика оленины, я громко произнес:

– Мисс Керр вела дневник!

Вулф отложил письмо, поднял голову, секунд тридцать рассматривал меня, потом спросил:

– Как тебе удалось выудить из него эти сведения?

– Из кого?

– Из мистера Кремера, конечно.

У меня отвалилась челюсть.

– Чтобы увидеть наше крыльцо, вам пришлось бы высунуть голову наружу.

– Я никогда не смотрю на улицу из оранжереи. Но Кремер, безусловно, приходил. Кто еще мог поделиться с тобой таким фактом? Но вот как тебе удалось развязать ему язык?

– Ладно, так и быть, расскажу.

И я начал со звонка Джилл Харди. Порой, пересказывая разговор, важно излагать его дословно, но я и так стараюсь это делать – так я уже привык и так мне проще. Как всегда, Вулф слушал с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Я плавно перешел с Джилл Харди на Кремера, поскольку действие шло без антракта, а только со сменой персонажей. Когда я закончил, Вулф чуть приоткрыл глаза, снова закрыл и буркнул:

– Ровным счетом ничего.

– Вы правы, – согласился я. – Если Джилл Харди – лгунья, то очень талантливая. Орри убежден, что она ничего не знает про Изабель Керр, если же знает, то доказать это будет непросто. Если не знает, то можно сбросить ее со счетов. Она для нас абсолютно бесполезна. Что касается Кремера, то, видимо, у него и впрямь имеется этот дневник. Ну и что из этого? Мы и так знали, что у него есть козырной туз. К тому же вряд ли дневник заканчивается словами: «Он потянулся к пепельнице и собирается ударить меня по голове», а это немаловажно. Быть может, Кремеру и впрямь нужен этот дневник, чтобы доказать, что Орри была выгодна смерть Изабель Керр, но мы и так это знаем. Нам нужен еще кто-нибудь. В каком-то смысле это выгодно Джилл Харди, но я сомневаюсь, что она знала об Изабель. Так что согласен с вами – ровным счетом ничего.

Вулф открыл глаза:

– Думаешь, Орри убил ее?

– Нет. Я со всех сторон изучил аргументы Сола, и они мне нравятся. По меньшей мере они ставят вину Орри под такое сомнение, что ни один суд присяжных не признает его виновным, а я тем более. Но в любом случае мы уже на крючке. У Кремера. Если все-таки окажется, что Орри ухлопал эту девицу, я никогда не прощу его. Умыкну Джилл Харди. Она уже думает, что мы с ним похожи.

Вулф хмыкнул:

– Что дальше? Кем ты займешься?

– Сестрой, наверное. Или Эйвери Баллу.

– Насчет мистера Баллу я еще должен подумать. Начни с сестры.

Он выпрямился и потянулся к «Приглашению к расследованию».

Глава 5

В телефонной книге Бронкса числился некий Барри Флеминг, проживающий по адресу: Гумбольдт-авеню, дом 2938. Звонить я, ясное дело, не стал. Судя по статье в «Таймс», миссис Флеминг отказывалась беседовать с репортерами, и мой звонок она наверняка приняла бы за уловку назойливого журналиста. Я отыскал Гумбольдт-авеню по карте Бронкса и ухмыльнулся, потому что моя рука по инерции потянулась к карману для ключей. Дело в том, что из-за одного печального случая, приключившегося со мной несколько лет назад, я установил жесткое правило: никогда не выходить на задания, связанные с убийством, без оружия. А правило, которое вы устанавливаете сами, труднее всего нарушить, но и у него есть предел.

Вообще-то, сестробиение нельзя отнести к чему-то из ряда вон выходящему. Даже если предположить, что Стелла Флеминг и в самом деле убила сестру, то это вовсе не значит, что всякий, попадающий в ее общество, должен держать наготове заряженную пушку. Поэтому я не взял револьвер, сказал Вулфу, чтобы к ланчу меня не ждали, и отчалил. Спустившись с крыльца, я поднял воротник пальто, хотя гараж был совсем рядом, за углом. Вместо обычной январской оттепели стоял хороший мороз, да и ветер старался как мог.

В 12:20 я оставил «херон» на парковке и пешком преодолел полтора квартала до дома номер 2938. Так, обычный десятиэтажный кирпичный муравейник, которых понатыкали множество по всем пяти районам Нью-Йорка, хотя в Бронксе их, пожалуй, больше всего. Конечно, в телефонной книге мог значиться совсем другой Барри Флеминг, но вскоре я это выясню. На кафельном полу в вестибюле вместо ковра лежала резиновая дорожка. Консьержа не было, но стену подпирал лифтер, с помятым бледным лицом и в униформе, явно нуждавшейся в стирке и глажке. Я подошел и произнес:

– Флеминг, пожалуйста.

Лифтер помотал головой:

– Нет их никого.

– Знаю, – ответил я. – Как знаю и то, что миссис Флеминг никого не принимает, но я не репортер; я пришел по личному делу и уверен, что она захочет со мной побеседовать.

В случае этого помятого детины зеркалом души служила физиономия. Никакого впечатления мои пылкие излияния на него не произвели. Его интересовало только одно – сколько. Я снял перчатки, достал бумажник, извлек визитную карточку и пятидолларовую бумажку и сказал:

– Честное слово, приятель. Могу показать даже свою лицензию. Только отвезите меня наверх, а если она меня не пустит, то получите еще столько же.

Лифтер взял у меня визитку, изучил ее, потом забрал и сунул в карман пятерку, после чего ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.